

Сказаніа ѡ Кощунникѣ

писанныя нарѣчіемъ былиннымъ да
алеавитомъ стариннымъ по образцу
орфограѣи 1913 года.

Авторъ: Хлѣбниковъ Дмитрій.

Здѣсь Русскій Духъ
Здѣсь Русью пахнетъ
А. С. Пушкинъ.

Анастасъ и Станиславъ.

Жили-были въ одномъ городѣ два друга-товарища. Были онѣ отъ роду равны по годамъ и облику внешнему, да отцы ихъ ремесломъ однимъ владѣли, и не было въ искусствѣ ихъ различій. Право отецъ перваго грекомъ пришлымъ значился и сынъ его Анастасомъ во книгѣ метрической указывался, ибо рожденъ онъ былъ на Руси и мать его изъ русскаго языка.¹ Второй же звался Станиславъ и всѣ пращурѣ его славянами полнокровными ходили.

И случилось разъ друзьямъ за городскими вратами гулять. Набрели онѣ на станъ некій, въ коемъ купецъ да двое слугъ его съ дороги отдыхали ибо былъ вечеръ да путь продѣланъ ими долгій. И утомились онѣ да ожидали утро, чтобы въ городъ войти на разсвѣтъ и товаромъ соторговаться.

- Добро вамъ, путники, - приветилъ ихъ Станиславъ. — Съ чемъ пришли вына землю новгородскую и каковъ умыселъ имеете? Али торговать намѣрены?
- Вѣрно говоришь, славянинъ, хитро купецъ произнесъ. — Товары греческія привезли мы, да на русскія монеты обмѣнять помышляемъ. Да вы къ намъ подходите! Тутъ у меня нудья ладная² да надъ нею котелокъ, въ коемъ отваръ травяной настаивается. Привѣчу васъ!
- Спасибо на добромъ словѣ, - благодарствовалъ Анастасъ.
- Скажи мнѣ, молодецъ, али не землякъ ты мнѣ? Ибо твое нарѣчіе выделяетъ тебя, - молвилъ торговецъ.
- Истинно говоришь, купецъ, - довольно сказала Анастасъ. Грекъ я. Хоть и русскій.
- Какъ звать васъ, молодцы? И каковы года ваши?
- Тезки мы, - отвечалъ Анастасъ. — Да годовъ намъ по полутора десятка.
- Часомъ не родственники вы дальнія?
- Нѣтъ, - увѣренно отвечалъ Станиславъ, да и не тезки мы вовсе, ибо я Станиславомъ зовусь, но онъ — Анастасъ.
- Вотъ какъ? Анастасъ? И каково тебѣ съ именемъ таковымъ ходить?
- А что, имя мое тебѣ не понраву? — обиделся Анастасъ.

¹ Языкъ — какъ «народъ» понимать надлежитъ.

² «Костеръ горитъ хорошій»

- Развѣ можетъ имя обиднымъ быть? - удивился Станиславъ. — Между прочимъ, во храмѣ есть предметъ такой, «аналой» зовется. Я когда имя твое слышу, такъ сразу «аналой» на умъ приходитъ.
- Вѣрно Станиславъ говоритъ, - похвалилъ его купецъ.
- Но во храмѣ есть еще Иконостасъ, - вдругъ припомнилъ Анастасъ.
- Такъ и есть, Анастасъ, - молвилъ купецъ. — Но вѣдаете ли вы, молодцы, что слова сїи значать?
- Нѣтъ, но по мнѣ — это все одно! Храмы всѣ на Русь пришли чужими, какъ Анастасовъ отецъ и здесь монахи стали русскія, но грекамъ служатъ.
- Ой, кощунствуешь ты, молодецъ! Ой отцу скажу твоему! Ой съчъ онъ тебя за это будетъ!
- И подѣломъ тебѣ, Станиславъ! Какъ смеешь ты Бога хулить, ежели славянинъ?
- Богъ вашъ, греческій, нашего русскаго замѣнилъ. Ежели славянинъ я, такъ не подобаетъ мнѣ греческому Богу молиться.
- Но молился ты во храмѣ-то, плуть! - вскричалъ вдругъ Анастасъ. — Самъ я видель!
- Храмъ тотъ на мѣстѣ капища выстроенъ. Говорила мнѣ сіе бабка моя нынѣ умѣршая. И не греческому Богу я молюсь во храмѣ, но славянскому, ибо на капищѣ пришелъ я, но не во храмъ съ аналоемъ да иконостасомъ вашими!
- Такъ вѣдь не сказалъ я вамъ, молодцы, что слова сїа значать! Ибо греческія онѣ и русскому языку невѣдомы.
- И что же это? - любопытствовалъ Анастасъ.
- Аналой — сіе есть мѣсто воскрешенія, - хитро купецъ произнесъ.
- А иконостасъ? — не безъ интереса спросилъ Станиславъ.
- О! Иконостасъ — это когда много иконъ вместе висятъ.
- Это и я вѣдаю. Ты скажи, какъ в языкѣ сложено, - присталь съ разпросомъ къ нему Станиславъ.
- Я одно слово сказалъ вамъ, а второе переведу, ежели Станиславъ скажет мнѣ, какъ имя его понимать слѣдуетъ, предложилъ купецъ.
- Станъ — это место нѣкое, гдѣ обитать возможно, а славъ — это дух славянскій, отъ истоковъ во всѣ времена великій, - отвечалъ Станиславъ
- Уговоръ и я теперь держать буду, - сказывалъ купецъ. — Иконостасъ — мѣсто для иконъ.
- Лжецъ ты, языкъ пришлый. Обманъ твой прощенъ тебѣ не будетъ! Бери пожитки свои и уходи прочь, ибо въ городѣ я о тебѣ скажу вѣсть дурную и побьютъ тебя, лжеца.

Рѣчь Станислава таковой силы была, что даже слуги купца греческаго, въ языкахъ слабыя и те встrepенулись. А межъ темъ Станиславъ продолжалъ.

- Иконы те — лица мѣртвыя, Бога неживого образы. Однако былъ на Руси Богъ единый и свѣтлый — Дажбогъ звался и свѣтъ онъ солнечный людямъ дарилъ, но Греческій Богъ тьму несетъ да разладъ, ибо светить онъ свечами тусклыми и глядитъ ликами мертвыми, на крестъ убиенными. И иконостасъ твой — это галерея мертвецовъ.
- Такъ что же, - смутился Анастасъ. — Имя мое — мѣртвецъ воскресшій?
- Истинно говоришь, Анастасъ, имя твое не благо тебѣ несетъ, но позоръ, - молвилъ купецъ.
- Такъ и ты, грекъ, позоръ и черноту нашему народу несешь: не нужны намъ твои товары, ибо отецъ мой да Анастаса — ремесленники и во сто кратъ они товары делаютъ краше. И храмъ свой съ мѣртвецами рисованными забери!
- Истину говорятъ братья-греки мои — «Русскія — неблагодарный народъ. Мы имъ и грамоту принесли и Божію вѣсть, и города васъ строить учили, и дети ихъ теперь намъ «Вонъ!» кличутъ!».
- Лжецъ ты, собака! И буквы у насъ были, и грамотъ каждый обучень былъ, и гардарикой Русь варяги называли И Богъ у насъ былъ не ровень вашему!
- Что я тебѣ объяснять пытаюсь? Чернь!
- Вонъ!
- Такъ стало быть и Анастасу ты «Вонъ!» кличешь?!
- Снова лжешь! Ибо духъ твой греческій умеръ въ Анастасъ и родился онъ какъ славянинъ и не тѣло его «мѣртвецъ», но духъ воскресъ въ новой вѣстаси³. Такъ и Русь въ будущемъ воскреснетъ яко умереть въ ней духъ греческій⁴ и станетъ духъ Русскій какъ прежде чистымъ и святымъ!

³ Для читателя, несвѣдущего о сѣй диковинной буквѣ поясню, что буква ижица —v - пишется въ корняхъ некоторыхъ церковныхъ словъ. Читать надлежитъ какъ изконное «иже» либо «і десятиричное» [и] либо [і], что нисколько не меняетъ звука, но придаетъ слову особый смыслъ.

⁴ А равно какъ и другіхъ языковъ, воздѣйствіе которыхъ мѣшаетъ Русской самобытности.

Станиславъ въ опалѣ.

Купецъ тотъ Станислава не послушалъ, да со слугами своими все трое на коняхъ съ поклажею весомою во градъ вошли. Едва солнце явилось, какъ онъ уже у вратъ городскихъ со стражей молву зачалъ.

- Добро тебѣ, путникъ, молвилъ стражъ воротъ.
- Добромъ отвечаю, - кивнулъ купецъ.
- А они что же? — удивился стражъ, кивая на слугъ купеческихъ.
- Такъ греки онъ, какъ я, только языка не знаютъ, но мнѣ помощники.
- Ну что же, пусть такъ - пропущу я васъ.
- Скажи мнѣ, добрый молодецъ, гдѣ могъ бы найти я домъ молодца иного, что Станиславъ зовется?
- Во градъ нашемъ много Станиславовъ живетъ, ибо градъ нашъ славяне населяютъ.
- Знаю, у того Станислава отецъ ремесломъ промышленъ.
- И ремесленниковъ во градъ у насъ каждый третій.
- Тогда, можетъ укажешь, гдѣ живетъ иной молодецъ, что Анастасъ, да отецъ его грекъ, какъ я?
- Тутъ — проку больше, ибо одинъ у насъ во градъ Анастасъ, а по сему и отецъ его одинъ. Укажу дорогу тебѣ. Но что за дѣло помышляешь ты? Да откуда тебѣ известно столько о жителяхъ нашихъ? Часомъ не соглядатымъ подосланъ ты?
- Изволь, молодецъ, гдѣ жъ мнѣ лазутчиком-то быть? Товаръ продавать надобно мнѣ, да и не такъ воевсѣ соглядатыи действовать будетъ. Я же — по делу нехитрому пришелъ, такъ, пару словъ обмолвить.
- А товаръ-то везешь какой? То вѣдь недаромъ у насъ каждый третій ремесломъ занятъ — самъ еще больше купишь! — съ улыбкою дружеской стражъ говорилъ.
- Мѣро везу, да вино Римское.
- Мѣро твое во храмъ продашь, а вино — глядишь и староста возьметъ... Знатный товаръ привезъ! — дивился стражъ.
- Благодарствую тебѣ, стражъ. Староста значить... ну, да пойду дѣла свои дѣлать.

И пришелъ купецъ наперва ко храму и дивились ему священники и много злата ему дали за мѣро его. И спрашивали онъ о винѣ томъ и цену назначили, но не хотель продать имъ, ибо сказывалъ, что староста вино то у него самъ просилъ и

цену вдвое большую назначилъ. Увѣровали в ложь сію церковники и уплатили ему за вино двойную цену, самими назначенную, и забрали вино Римское все до бутыли и схоронили во погребѣ.

Получивъ же деньги за весь товаръ свой, купецъ со слугами поехали домъ Анастасовъ искать, какъ тому стражъ научилъ. И нашли вскорѣ, ибо градъ не великъ былъ да улицы его ровныя . Встречалъ ихъ отецъ Анастасовъ у крыльца своего, да въ домъ провожалъ, ибо редко онъ видывалъ, чтобъ во градѣ симъ греки инья хаживали. И радъ былъ встрече. И говорилъ на родномъ своемъ греческомъ нарѣчїи. И готовъ былъ любезность всякую оказать гостямъ. Повѣдалъ ему купецъ о встречѣ вчерашней съ сыномъ его. И радъ былъ слышать отецъ о сынѣ своемъ лестъ высокую, ибо превышалъ истину купецъ, да Анастаса разхвалявалъ, ибо не было самого его дома.

Но, когда молва о Станиславѣ пошла, переменился ремесленникъ въ лицѣ да угрюмъ сделался, ибо узналъ, что сынъ его съ богохульцемъ дружить, да самъ онъ съ отцомъ грешника знакомъ. И решили Анастасовъ отецъ, да купецъ со слугами пойти во домъ къ отцу Станислава, да науки для того требовать. И было такъ.

Не добро встретилъ ихъ отецъ Станислава. Но противиться не сталъ, ибо самъ предъ греками и Богомъ ихъ во страхъ пребывалъ. И позволилъ имъ сына высечь розгами, чтобъ науку ему внушить. И было такъ: подозвалъ онъ сына своего и молвилъ:

- Хулилъ ты бога нашего?
- Нѣтъ, отчѣ, не хулилъ я бога нашего, ибо сломленъ онъ давно и на мѣстѣ капища его храмъ грековъ стоитъ.
- Спрашиваю тебя: хулилъ ты Бога?
- Греческаго только! Но не нашего!
- Ах греческаго? Будетъ тебѣ греческій Богъ! Ложись поперекъ лавки. Сейчасъ научать тебя буду! Ибо не греческій это богъ, но людской и надлежитъ ему людямъ молиться! Понялъ ли ты слово мое?
- Понялъ отчѣ, - смиренно отвечалъ Станиславъ.

И легъ на лавку и ожидалъ науки. Но не сталъ его отецъ научать, а позволилъ сіе купцу греческому, да слугамъ его. И билъ купецъ целую сотню розгъ и сносилъ пруты ивовыя. Слуги же его по пятьдесятъ отсчитали.

Билъ купецъ да приговаривалъ:

- Вотъ тебѣ отъ Бога греческаго, вотъ тебѣ, кощунникъ!

Да отецъ Станислава смотрелъ на сіе и самъ науку получалъ, ибо возбоялся онъ противиться, а посему старался какъ должное воспринять.

Стойко Станиславъ розги терпелъ, но и ему предель былъ, но безъ слезы онъ вытерпелъ всѣ удары купеческія, ибо вѣра его крепка была, но брызнули слезы, когда слуги купеческія за дѣло взялись, ибо были они тренированныя, да безсловесныя и не было нужды ихъ терпеть стойко, ибо не какъ языковъ пришлыхъ онъ понималъ слугъ, но какъ, орудія несмышлennyя.

Сделавъ дѣло свое, греки удалились. Всталъ тогда Станиславъ, наделъ портки и въ комнатѣ прибираться сталъ. Не хотель онъ отца винить за слабость, но и обиду чувствовалъ. А отецъ — обратно — храброты набралъ и сталъ едкимъ словомъ Станислава за кощунство укорять.

И сказалъ тогда Станиславъ, что «кощунъ» - это сказъ о житіе славянъ. Самъ онъ это отъ бабки зналъ и въ словѣ симъ не было ему ничего страшнаго. И былъ гордъ кощунникомъ называться, что есть сказителемъ.

И была ночь сего дня. И было утро следующѣе. Но не было Станислава въ домѣ отчемъ, ибо не могъ онъ болѣе тамъ оставаться, яко оскверненъ домъ его пришлыми греками былъ.

Недаромъ же прѣдки наши говаривали: «Ежили ижица ближится — тако же дѣло къ розгамъ идится.»

Волхвъ.

Вышелъ Станиславъ изъ дому отчего на разсветѣ. Взялъ съ собою еды на два дня и отправился въ лѣсъ, искать мѣсто, гдѣ волхвы жили, какъ то бабка его говаривала. Долго бродилъ онъ по лѣсу, да притомился. Сталь онъ ночлегъ искать, ибо далеко еще мѣсто искомое было, а сумерки уже неспешно небо затягивать стали. И выбралъ онъ древо высокое и вѣтвистое. Забрался повыше, постелилъ межъ сучьевъ близкіхъ одежду свою теплую и привязалъ себя веревкою крепкою чрезъ станъ свой къ вѣткамъ, на которыхъ возлежалъ. Не часто Статиславу спать въ лѣсу приходилось, но бывало, и потому зналъ онъ, какъ правильно ночлегъ дѣлать надо.

Подкрепившись припасами, онъ ко сну отошелъ и былъ расслабленъ. И пришелъ къ нему въ виденіи волхвъ и молвилъ:

- Зачемъ, ты, молодецъ, отчій домъ покинулъ? Что ищешь въ лѣсу дремучемъ? Али смерти не боишься? И что ведетъ тебя ко мнѣ?

Отвечалъ ему Станиславъ:

- Нетъ мочи больше языковъ чуждыхъ терпеть. Пришли они въ домъ отца моего и надругались надо мной и всячески укоряли. Не сталъ я имъ противиться, ибо отецъ мой на то согласіе далъ. Если бъ не было дома его, схватилъ бы мечъ каленый, да порубалъ враговъ! Но не смогъ я защиты оказать ибо пустилъ ихъ отецъ безъ ропота и мнѣ вѣлелъ не противиться. Не смогъ я боле дома оставаться ибо не чую боле Русскаго духа въ нашемъ градѣ и не могу возпротивиться, ибо ухватиться не за что и помочи ждать не отъ кого. И по сему решилъ я волхва отыскать, ибо бабка моя, ныне покойная, сказывала-де, что въ лѣсу могу я силы пополнить и духъ укрепить, ежели волхва найду и буду молву съ нимъ иметь.

Сказывалъ тогда волхвъ ему:

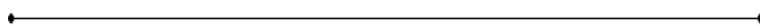
- Не первый ты, кто Русскаго духа ищеть ибо не мало славянъ такихъ на свѣтѣ. И лишь въ единеніи сила ваша. И по сему, когда встретитесь вы съ ними, будетъ у васъ дѣло ладиться и найдете вы корень зла и сроете долой съ земли Русской. И я же помогать вамъ буду. И всякъ разъ, когда духъ вашъ ослабнетъ, буду советъ вамъ давать.
- Но какъ советъ твой будетъ намъ помощь оказывать, ежели далеко ты и не встретимся мы съ тобой?
- Отчего же не встретимся? Приходи всякъ разъ, какъ дѣло будетъ.
- Есть у меня цѣль, мудрый волхвъ и нужна помощь твоя. Укажи мнѣ, гдѣ подобныхъ мнѣ людей встретить?

- Везде они есть. Но не всякъ ихъ сразу видить ибо сами онѣ не знаютъ чего ищутъ. Но лишь найдя единятся съ тобой.
- А какъ же съ тобою мнѣ встретиться?
- Не сворачивай съ пути своего духовнаго и повстречаешь меня, ибо до сего момента по правому следу шель ты.
- Но теперь я думать объ этомъ буду все время и разумъ мой заглушить голосъ твой внутренній.
- Голосъ тотъ не мой и не твой, но Бога. И лишь слушая его, приидешь къ цели своей.
- Куда же идти мнѣ? Вѣдь бабка моя лишь сторону указала и не знала сама гдѣ мѣсто твое.
- Слушай голосъ внутренній, да повстречаешь меня.
- А ежели не смогу голосъ услышать?
- А ты не торопись. Присядь спокойно, да за птицами наблюдай, да ветеръ слушай. И сразу голосъ слышенъ станетъ.
- Но еды у меня на день-то осталось, да ягоды кое-гдѣ найти можно. Какъ не бояться мнѣ голодной смертью околетъ — вѣдь путь-то, видать, не близкій?
- Думать тебѣ надлежитъ не о разстояніи, а о гласѣ внутреннемъ. Ежели услышишь его, такъ сразу меня повстречаешь. И пойму я тогда, что воистину ты Русскаго духа славянинъ. Ибо не в шагахъ дело и не в дняхъ пути, но въ мысляхъ твоихъ.
- Не пойму я тебя, волхвъ!
- Поспи немного, приди въ мысли правильныя. И когда проснешься, будетъ ответъ тебѣ мой ясенъ.
- И на томъ спасибо, тебѣ, волхвъ, что хоть себя мнѣ открылъ и понялъ я теперь, что не зря изъ дому вышелъ я.

И послѣ словъ сихъ, вдругъ волхвъ пропалъ, а Станиславъ на древѣ очнулся привязанный и тьма вокругъ непроглядная была.

- Али лешего проделки сіи были, али самъ волхвъ мнѣ во снѣ явился? — задумался Станиславъ. — Но быть тому, какъ сказалъ онъ, ибо назадъ дороги не быть моей. Въ лѣсу смерть быстрая грядетъ, а тамъ, во градѣ всю жизнь во мнѣ духъ угасать станетъ.

И сонъ свой Станиславъ на томъ продолжилъ.

Путь.

Проснувшись же, не нашель ответа Станиславъ на вопросы свои какъ то волхвъ говорилъ, ибо думалъ объ этомъ непрестанно и гласъ въ немъ не звучалъ ни чей. Лишь себя онъ слышалъ и заглушить не могъ.

Слезъ тогда онъ со древа, подкрепился припасами, да ягоды разной собралъ. И тронулся въ путь онъ. И никакъ покоя его томленье не находило. День уже къ обеду близился, но не зналъ дороги Станиславъ и потому шель безъ цѣли наугадъ. И притомился пуще вчерашнего. Не было силъ боле идти. Остановился онъ у древа поваленнаго, да въ нѣбо посмотрель. И вспомнилъ онъ совѣтъ волхва и сталъ за птицами наблюдать. Долго смотрель на нихъ, пока глаза не заболели, но не смогъ гласа никакого изнутри услышать. Сталъ тогда онъ вѣтеръ слушать. Но опять не было ему гласа внутренняго. Отчаялся онъ и на ноги вскочилъ. И вдругъ легкй смехъ услышалъ. Перепугался не на шутку: откуда въ лесу дремучемъ смеху взяться? «Али гласъ внутренній?» - думалъ онъ, но былъ не увѣренъ. И селъ онъ снова на древо поваленное и сталъ думу думать. Но опять не было ничего. Тогда принялся онъ на корни древесныя смотреть и увидель, что у основанія древа поваленнаго муравьи копошатся, и дѣлами своими заняты. Никогда ранѣе не было у него интереса такого до муравьевъ, какъ сейчасъ. «Вотъ, балда, въ дремучй лѣсъ зашелъ, чтобъ муравьевъ разглядывать», - подумалъ онъ. Но вниманіе его сизнова къ муравьямъ направилось и глядель онъ на нихъ необычнымъ взглядомъ. А послѣ, червя дождевого заметилъ, что по своимъ дѣламъ ползъ. И сталъ за нимъ смотреть. «А ежели я его къ муравьямъ?» - озорно самъ себя Станиславъ спросилъ. Но сразу опомнился: ибо ежели червь далеко ползеть отъ муравьевъ, то стало быть, на то Промыселъ Божй есть, ибо муравьи сами себѣ пропитаніе найдутъ, а червь тотъ листву отъ древа упавшаго въ землю превратитъ.

И вдругъ, послѣ мысли сей, понеслось въ головѣ Станислава что-то. И сразу услышалъ и пеніе птичье, и ветра шумъ, и даже деревьевъ легкое дыханье. И ощутилъ Станиславъ, что самъ частью лѣса сталъ — духомъ сравнялся. И разступился лѣсъ. И деревья вдругъ на десятки шаговъ исчезли и не было ихъ боле. И была предъ нимъ поляна изтопанная. Перепугался Станиславъ. Вскочилъ онъ снова на ноги и исчезло древо подъ нимъ. И стоялъ онъ теперь посреди поляны той. «Лешего проделки!» - только и успель подумать Станиславъ. И услышалъ гласъ позади себя.

- Давно я жду тебя, Станиславъ, и больно утомился ходить за тобой.

Повернулся Станиславъ и увидель волхва предъ собой того самаго, что во снѣ сегодня видывалъ. Былъ онъ въ одежду ветхую одеть, но красивую. И возрастомъ ему в деды годился.

- Развѣ со мной ходилъ ты сегодня? — удивился Станиславъ.
- Верно слово твое, - отвечалъ волхвъ.
- А почему же не видель тебя я?
- Другимъ дѣломъ увлеченъ ты былъ и не могъ видеть меня.
- Какъ такъ? Вѣдь тебя одного я искалъ!
- Можетъ и такъ, но не тамъ искалъ ты.
- Но ты же рядомъ былъ.
- И далечѣ я былъ въ тотъ часъ и близко.
- Но какъ же такъ?
- Все тебѣ вопросы задавать, добрый молодецъ, а мнѣ бы присесть надобно.
- Вотъ тутъ сейчасъ древо поваленное лежало, да сидель я на немъ.
- Пошто намъ на древѣ сидеть на томъ? Пойдемъ лучшѣ въ домъ ко мнѣ.
- Но гдѣ же домъ твой? Вѣдь чертовщина какая-то дѣлается вокругъ.

И вдругъ, указалъ волхвъ за спину Станислава и обернувшись, увидель онъ избу крепкую изъ древа молодого. И вошли туда онъ. И за столъ широкій сели. И были за столомъ яства разныя, да питіе всякое. Дивился Станиславъ, что приборовъ за столомъ человекъ на дюжину, хотя съ вохвомъ ихъ двое было.

- Отчего еды столько? — дивился Станиславъ.
- Отъ духа Русскаго, - отвечалъ волхвъ.
- Но развѣ не надлежитъ еду растить и готовить, чтобъ такой столъ снабдить?
- Такъ и есть, ибо не одинъ я здесь, и сейчасъ съ нами другія пребываютъ.
- Тоестъ, мы не одни в избѣ этой?
- На одной лавкѣ съ тобой сидятъ онъ, - спокойно волхвъ отвечалъ.

Со словами этими, Станиславъ съ лавки той вскочилъ, да въ углу избы всталъ, дико по сторонамъ озираясь, но не видалъ онъ никого акромья волхва.

- Что ты молодецъ, такъ скачешь все время? Али кусаетъ тебя кто?
- Не могу я такъ, волхвъ, не пугай меня.
- Чего же бояться тебѣ здесь? Вѣдь ты же сто ударовъ розгъ купеческихъ безъ страха удержалъ, а тутъ непойми чего испужался.
- И вправду, что я веду себя странно? Разъ пришелъ къ волхву, такъ, стало быть, понять его надо, - тихо подумалъ онъ.
- Станиславъ, что же ты отъ еды отошелъ? — спросилъ его кто-то.
- Кто сказалъ сіе? — спокойно спросилъ Станиславъ неспешно къ столу подходя.
- Такъ я же, - отвечалъ голосъ за столомъ.
- Но не вижу тебя я.
- И волхва ты наперва не видель.

И посмотрель тогда Станиславъ на волхва взглядомъ спокойнымъ и въ глазахъ его лишь добро увидель. И взглянулъ тогда на столъ, волхва чутокъ поодаль. И увидель предъ собою дружину ладную. Десятокъ богатырей предъ нимъ сидело въ

доспехахъ кожанныхъ, лицомъ ухоженныхъ да взглядомъ светлыхъ и сделалось Станиславу легко на сердцѣ. И спросилъ ихъ:

- Часомъ не покойники вы? Почему васъ сразу не видно?

На что дружина смехомъ залилась. Даже волхвъ, доселѣ спокойный, тихо в бороду протяжнымъ стариковскимъ смехомъ разошелся.

- Да мы живѣе, чемъ ты, Станиславъ, будем, ибо голоденъ ты и бледенъ. Сядь съ нами, поѣшь, а послѣ обеда, когда въ полѣ выйдемъ, многое повѣдаемъ тебѣ.

Поле.

И было такъ, какъ, богатыри сказывали. Послѣ обеда отправились онѣ въ полѣ работать. Волхвъ же въ избѣ остался, но Станиславу наказаль всюду за ними следовать и помогать имъ всячески. И держаль наказъ сій Станиславъ.

Поле же прямо посреди лѣса вскопано было. И рожь росла на полѣ томъ.

- Неужели это вы вдесятеромъ такое хозяйство ведете? — дивился Станиславъ.
- Отчего же вдесятеромъ? Много у насъ помощниковъ, отвечаль богатырь. И дети средь нихъ, да жены наши.
- А почему же во градѣ-то не знаютъ о томъ, что полѣ ваше здесь? Вѣдь иной охотникъ не можетъ не наткнуться на васъ. Здесь же всего день пути для опытнаго зверолова.
- Стороной насъ охотники и прочіе гуляки обходятъ, ибо Русскій духъ хранить это мѣсто и всякъ разъ, когда охотникъ близко оказывается, ему вдругъ дурно дѣлается и блудить онъ въ трехъ соснахъ, пока деревушку нашу ненарокомъ не обойдетъ кругомъ.
- Такъ почему же я васъ нашель?
- Оттого, что ты самъ Русскаго духа искаль, тебѣ и путь в душѣ известень былъ. Недаромъ волхва ты во снѣ видель, ибо онъ хранить это мѣсто отъ гостей не прошенныхъ.
- Такъ что же, каждый, кто въ лесу поблизости отъ мѣста этого заночуетъ, во снѣ волхва увидить?
- Наврядъ ли. Сами мы это съ трудомъ понимаемъ, но волхвъ напередъ знаетъ кто и когда сюда придетъ. На то онъ и волхвъ.
- Откуда же вообще мѣсто сіе дивное взялось?
- Когда-то Русь твердыней была. И Русскій духъ надъ всею нею простирался. И боялися враги близко подойти.
- И что же стало?

А межъ тем, шли они между рядами колосьев. И встали возлѣ колючки дикой, что шипами своими вокругъ всѣ растенія душила, но сама по себѣ прекрасными фіолетовыми цветками пестрила. И сказываль тогда богатырь, лопату въ руки взявъ.

- Пришло на землю русскую сѣмя чуждое. И было оно колючкой. И взошло оно, но не было срыто сразу. И за красотой цветка его, люди колючекъ не видали и кололись объ нея, но расти не мешали ей. А межъ темъ колючка та разрасталась, да добрую траву изживала. Такъ и эта

колючка, если ей волю дай, всю рожь изживетъ, и будетъ та островками мелкими на полѣ колючекъ, пока совсемъ не исчезнетъ.

- Но какъ же на доброе полѣ можетъ колючка вредная попасть? — спрашивалъ Станиславъ.
- Промысль Божій въ томъ и заключается, чтобъ мелкому вреду не противиться, но наблюдать, какъ хранитель съ этой угрозой справляется, темъ самымъ силу свою укрѣпляя.
- Но развѣ мелкій тотъ вредъ, что по Русскому духу нанесенъ былъ?
- Конечно, мелкій, но не придали значенія ему люди, ибо думали, что колючку въ любой моментъ одолеть можно и на цвѣтокъ любовались. А она время не теряла и новое сѣмя кидала.
- Такъ срыть колючку надобно! — воскликнулъ тогда Станиславъ.
- Верно слово твое, - ответили на то богатыри.
- Но скажи намъ, Станиславъ, можно ли срыть колючку, которая тебя втрое выше и плотнѣе въ обхватѣ? Пребывая въ одиночествѣ, да безъ лопаты темъ паче, - спросили другія богатыри.
- Сложно очень, - дивился Станиславъ. — Да ежели землю вокруг нее обкапывать, такъ она на тебя упасть можетъ да приколотъ къ земле на века.
- Стало быть, какъ надобно ее убрать?
- Ядомъ на нее сбрызнуть.
- Зачемъ же ядомъ? Такъ вѣдь и земля потомъ ядовита будетъ и опасней пуще колючки одинокой, ибо плодъ съ земли сей куда страшнѣе.
- Стало быть, водицей мертвою, что злое все губить, но добро не трогаетъ, по ней надобно.
- Правильно, Станиславъ, и пока гибнуть будетъ колючка, созвать людей и всемъ соборомъ утащить ея, пока сѣмя съ нея не ссыпалось.
- А съ этой колючкой что сделать надобно? — спросилъ Станиславъ, на ростокъ подъ ногами указуя.
- Такъ эту лопатой срыть можно. Смотри — разъ — да нетъ ея.
- А понялъ ли ты, Станиславъ, о какой другой колючкѣ говорили мы. О той, что в три роста и обхвата тебя превозходитъ?
- Ухъ, - только и молвилъ Станиславъ.
- Колючка та — храмъ греческій, котрый ты лишь едимъ словомъ срыть пытался. А случилось такъ, что пока ты вокругъ той колючки землю обкапывалъ, кусокъ ея обломился отъ тяжести, да упалъ на тебя и посему двѣ сотни розгъ, которыя стерпель ты — это малая часть того, что могло съ тобою сделаться, ежели кусокъ поболее былъ... Колючку же, большую ту ты бѣ все-равно не одолеть, но самъ погибнуть могъ.
- Такъ что же мнѣ делать теперь? Неужто къ той колючкѣ снова возвращаться, когда я на полѣ ржаномъ побывалъ да ароматъ земли Русской чуялъ.

- Наука тутъ сложней гораздо, чемъ кажется. Трудно тебѣ постичь ея
будеть, а пока, поживи лучше съ нами. И будь среди насъ равнымъ.

Наука Станислава.

Сталь съ техъ поръ Станиславъ въ деревнѣ потаенно жить, да науку новую постигать, о которой ране не слыхиваль. Со всѣми вставаль, со всѣми обѣдалъ, да работаль, но науку ему волхвъ отдельно даваль, чтобъ не мешаль ему никто. И поняль вскорѣ Станиславъ, какъ міръ устроенъ. И узналь, что нѣтъ духа отдельно отъ плоти и есть нечто, что сіе межъ собою связываетъ. И стало ему обиденнымъ то, что для человѣка простаго чудомъ дивнымъ кажется. Не стало боле боязни предъ человѣкомъ инымъ, колючкой инородной, ибо зналь, что онъ есть отъ Русскаго Духа славянинъ и посему Богъ ему во помощь во всѣхъ дѣлахъ правѣдныхъ. Поднялся онъ вышѣ чемъ былъ, и зналь теперъ, что Богъ для языка всякаго единъ и равенъ. И не должно ему время свое тратить на кощунъ о Дажьбогѣ солнечномъ, ибо позналь онъ, что богъ тотъ есть мѣра пониманія простаго славянина, но зналь онъ также, что мѣра его собственная — мѣра пониманія — выше, а посему и понятія у него шире, да, стало быть, всякія войны религіозныя, собою несущія мѣру отдельнаго народа къ понятію народа иного — суть неистина. И не понраву деянія такія Богу единому и для всѣхъ равному, ибо повелель Богъ человѣку мѣру свою расширять и выше подниматься въ пониманіи, а человѣкъ замѣсто того сталъ другимъ навязывать то, что онъ уже поняли, но своею мѣрою. Вѣдь у древа всякаго ветки отъ основанія разходятся, и чемъ дальше, темъ больше ветокъ. Такъ же и для народа въ понятіи своемъ, стало быть, стремиться нужно къ веткѣ, что къ основанію ближе, но не своею красотою любоваться и другихъ принуждать къ тому. Равно, какъ и для каждой ветки древесной, основа ея — суть стволъ изъ сѣмени растущій, такъ и для языка всякаго понять Бога можно лишь ближе къ его Промыслу подойдя. И будетъ тогда миръ всѣмъ народамъ, и станетъ имъ міръ домомъ общимъ, и не следуетъ никого насилу мврѣй помазывать и не будетъ вражды, ежели языки все будутъ ветками отдельными, но духомъ съ Богомъ общаться, будетъ къ нимъ сила Божья поступать, подобно какъ къ листьямъ своимъ древо сокъ качаетъ.

И было то ученіе семь лѣтъ отъ дня перваго. И новый урокъ преподаль волхвъ молодцу окрепшему.

- Пришло же время, Станиславъ, тебѣ понять вещь куда боле глубокую, чемъ до сего момента ты могъ познать. Станетъ тебѣ ясно сегодня, что колючка та трехъ ростовъ, да въ обхватѣ невѣдомая — и есть человѣчество нынешнѣе. Ибо разселяется оно по планетѣ и поле, на которомъ Богъ промышляетъ портить. И настанетъ день, когда Богъ сроетъ колючку ту, ежели она въ добру рожь не обратится.

- Но какъ же колючка рожью станеть? — дивился Станиславъ. — Вѣдь ежели уродился песь псом, то и быть ему до смѣтри своей псомъ.
- Само собой ничего не делается, али не усвоил ты урокъ сей, Станиславъ?
- Усвоиль, старчѣ, но ты снова мнѣ сказъ держать сталъ и снова мѣра пониманія моего не объемлетъ смыслъ твой.
- Слово — это орудіе — всякаго меча да лука сильнѣе. И ежели обладаешь ты мѣрой пониманія на то — знаешь, какъ словомъ обидеть кого, али окликнуть друга въ лѣсу затеряннаго. Такъ же и тутъ. Ежели поймешь, какъ словомъ владеть, то сможешь дѣла вершить.
- И что же? Колючку въ рожь превратить? И прямо въ мигъ она сделается? Чудно ты говоришь, старчѣ.
- Чудо — это то, что толпа видитъ, но понять не въ силахъ.
- Ты же поднимись надъ толпою и скажи «Знаю сіе», и да будетъ это истиною.
- Такъ значить, словомъ целый міръ обратить можно?
- Можно.
- А самъ ты умеешь?
- Міръ обратить не умею, но иголку отъ колючки въ листь зеленый обращу.
- Такъ покажи сіе! Вотъ иголка отъ татарника, что занозою мнѣ въ штанахъ сидитъ — обрати ее въ листь зеленый!
- Эхъ, Станиславъ, семь летъ ты со мною прожилъ, а какъ в первый день ведешь себя... Надобно тебѣ изъ лѣсу выйти, да съ людьми иными разговоръ зачать.
- Э, нѣтъ, волхвъ, сказалъ слово, такъ исполни, покажи, какъ колючка листом зеленымъ станеть.
- Ну, что же, сдержу я слово, но и ты свое дай, что отправишься съ людьми иными разговоръ держать.
- Даю! — заявилъ Станиславъ. — Обращай!
- Смотри, Станиславъ, въ зеркало сіе.

Глянулъ молодецъ, да увидель въ немъ себя самого и удивился, ибо былъ тамъ Станиславъ семи годовъ ранѣе, который купца греческаго едимъ словомъ поносилъ.

Затемъ же перевернулъ волхвъ зеркало трижды и увидель въ немъ Станиславъ себя, подле сидящего. И сказалъ тогда волхвъ.

- Али не колючку острую я въ листь зеленый обратилъ?
- Мудръ ты волхвъ, да хитеръ, но слово свое ты сдержаль. И до сего момента я деянія свои всегда правыми считаль, а теперъ позналъ, что какъ глупецъ велъ себя — недостойно тебя.
- Деянія твои гласомъ твоимъ внутреннимъ тебѣ подсказаны были. И уважаю тебя за то, что ты и разумъ свой послушалъ и духъ твой тебя не подвелъ. Теперъ же, когда гласъ твой въ дюжину громче звучитъ, меньше ошибаться ты будешь.

- Но не слышу я давно гласа своего внутренняго, а живу обыденно.
- Здесь, въ деревнѣ, добрымъ заветомъ хранимой, оберегомъ русскимъ сокрытой отъ глазъ и тропь охотниковъ иных и гулякъ прочихъ, есть у насъ Суть общая, которая нами по добру править, а посему гласа все наши внутреннія не слышны намъ, ибо звучать онѣ хоромъ общимъ и съ Сутью нашей сливаются. Но стоитъ тебѣ выйти къ людямъ инымъ, какъ зазвучитъ онѣ въ тебѣ и будетъ вѣренъ тебѣ, равно какъ ты ему вѣренъ будешь.
- По праву ли мнѣ къ людямъ идти стоитъ?
- Пора. Но только не во градъ свой, гдѣ жилъ ты преждѣ, а въ станъ иной.
- Куда же?
- Въ трехъ дняхъ пути отъ насъ на северѣ есть станъ языческий. Прииди къ нимъ и посмотри, какъ живутъ онѣ и какъ Дажьбогу поклонъ держать.
- И что же я делать долженъ?
- Посмотри на нихъ, въ обрядахъ прими участіе. Скажи имъ, что ты отъ отца своего сбежалъ, ибо Бога греческаго не признаешь.
- И есть это правда!
- Такъ вѣдь не нужно лгать никому. Можно умалчивать, ежели не спрашиваютъ, но зачемъ изрекать неистину? Мѣру искажать.
- Но спросятъ меня, откуда пришелъ ты путникъ? И скажу я имъ, изъ лѣсу.
- Но нѣтъ тебѣ нужды имъ говорить про уроки твои и деревню нашу.
- Ну, что же, пойду я, стало быть, готовится къ походу завтрашнему.

Язычники.

Утромъ дня следующего вышелъ Станиславъ изъ лѣсу, а съ нимъ пятеро дружинниковъ, чтобъ проводить его и путь указать. Тяготель Станиславъ обратно вернуться, но свой долгъ превыше былъ, а посему, наказъ волхва какъ следуетъ надлежало выполнить. Вѣдь не для того его семь лѣтъ кормили и учили, чтобъ онъ простымъ селяниномъ сталъ. Мѣру свою онъ шире виделъ и потому, къ деревнѣ языческой онъ съ легкостію шелъ, хотя даже не вѣдалъ, что ждетъ его.

Весь путь его три дня занялъ. Уже къ обеду перваго, Станиславъ одинъ остался и до самой деревни въ одиночествѣ шелъ. Ночеваль въ вершинахъ деревъ, вѣлъ изъ котомки своей, въ которую запасъ оставилъ и все время шелъ къ цѣли своей.

На подходѣ къ деревнѣ встретилъ онъ трехъ дружинниковъ иныхъ. Безъ уваженія онъ его схватили и стали допросъ вести.

- Отвечай, кто ты есть, и какъ сюда попалъ?
- Есмь я Станиславъ изъ града недалекого. Отъ отца своего сбежалъ и отъ вѣры чуждой.
- Какой же вѣры ты тогда?
- Не по душе мнѣ вѣра греческая, что по Землѣ Русской раазселена сделалась. Но знаю я, что когда-то на Руси своя вѣра была, что забыта она нынѣ.
- Такъ оно и есть, но вѣра русская не изсякла. И если ты ищешь истину, идемъ съ нами въ деревню нашу — со старостой поговоришь.

Такъ оно и было далѣе. Привели его дружинники въ деревню, но не ко старостѣ, а въ амбаръ посадили и велели утра ждать, ибо къ вечеру дѣло шло и для приемовъ время суть негодное.

Задумался тогда Станиславъ, отчего онъ въ амбарѣ сидитъ подъ замкомъ, ежели не пленникъ? Почему его не потчевали и постель не дали, ежели къ нимъ онъ самъ пришелъ по доброй волѣ и рады ему? Решилъ онъ тогда развѣдать что въ деревнѣ сей творится.

Деревня же та одинокая въ лѣсу стояла. Частымъ коломъ огорожена и у вратъ ея дружина стоитъ. И есть в ней много дворовъ да избъ съ крестьянами. Еще когда вели его, заметилъ Станиславъ у селянъ взоръ необычный для него и сталъ думать, отчего такъ есть.

Едва стемнѣло, решилъ Станиславъ изъ амбара выйти. Увиделъ онъ стену слабую, кое-какъ прилаженную да отодралъ доску, чтобъ наружу выйти. Не видалъ его никто, а посему свободно по деревнѣ гулять сталъ, да такъ, чтоб не опозналъ его никто. Бродилъ онъ средь дворовъ, да по украинѣ, да слышался

ему смѣхъ протяжный изъ избы одной, что вдали отъ всехъ стояла. Тихо подошелъ онъ къ ней и въ окно вгляделся. Завиделъ онъ троихъ мужей въ одеждахъ дорогихъ, въ которыхъ полѣ не вспашешь, да въ походъ не пойдешь и понялъ — были предъ нимъ мужи важныя, у селянъ сихъ въ почете. Но не по нраву Станиславу оказалось, что пили вина онѣ не мѣряно и хмельнымъ духомъ упивались, да такъ, что на людей быть похожи не могли. Сталъ тогда Станиславъ утварь избовую разглядывать и понялъ, что домъ сей — жилище жреческое, что языческимъ богамъ обяды служатъ. И дурно Станиславу сделалось, вѣдь ране думалъ онъ, что люди сіе честными⁵ будутъ, что народу отчаявшему стануть добрымъ словомъ помогать и примеромъ хорошимъ будутъ. Но понялъ онъ, что жрецы сіи отъ греческихъ церковниковъ не рознятся и потому религія для нихъ — способъ народомъ управолять, а не цѣль, чтобъ на Бога указывать да въ праведное русло возвращать.

Отошелъ отъ окна Станиславъ и решилъ назадъ въ амбаръ вернуться, чтобъ утромъ старостѣ свои мысли рассказать. По дорогѣ назадъ повстречался ему дружинникъ изъ техъ, что встретили его въ лѣсу и спрашивалъ тотъ:

- Отчего ты не въ амбарѣ, гдѣ оставили мы тебя?
- Въ чемъ суть моего тамъ пребыванія? Разве не имею я права до деревнѣ русской ходить? Ибо я славянинъ и съ миромъ пришелъ къ вамъ.
- Славянинъ ты, аль нѣтъ — завтра староста скажетъ, а нынче нѣтъ у тебя права никакого по чужимъ дворамъ ходить. Сейчасъ верну я тебя въ амбаръ, да стражу поставимъ, чтобъ не сбежалъ ты вновь, а ежели умыслишь сіе, живо копьемъ въ бокъ схватишь. Понялъ ты меня?
- Отчего же не понять? Видать, я пленникъ здесь!
- Здесь тебѣ не отчій домъ. Живо идемъ въ амбаръ.

Ночь сію Станиславъ на сѣнѣ спалъ и колосья ѣлъ.

⁵ Отъ слова «Честной»

Власть въ деревнѣ.

Дружинники съ утра ждуть себя не заставили. Едва петухи пропели, какъ были онѣ тутъ у амбара и Станиславу велели съ ними идти. Привели его въ хоромы старостины и у стены оставили. Сами съли у главы деревенской по бокамъ и ему слово дали. Былъ тотъ староста годами мудръ, но не старъ, но теломъ крепкимъ. Одеть онъ былъ во все новое и драгое, ибо нарядъ его красотою былъ превыше костюмовъ жреческихъ, что вчера Станиславъ въ питіи видель.

- Кто ты есть, молодецъ? — вопрошалъ староста.
- Говорилъ я дружинникам твоимъ, яко есмь я Станиславъ изъ града ближнего. Отецъ мой ремесломъ же занять.
- И почему оставилъ ты домъ отца своего и направился въ лѣсъ?
- Ибо домъ отца моего осквернили греки пришлыя и заставили его непротивиться воле ихъ, покамѣсть мнѣ розгами всю спину покрывали.
- Отчего случилось такъ, что греки тебя сечь пришли?
- Ибо обругалъ я словомъ браннымъ купца греческаго и велѣлъ ему съ Русскою земли проваливать, да чтобъ свои церкви забралъ, а вместе съ ними и церковниковъ русскихъ, что грекамъ служить!

Посмеялись надъ темъ дружинники и староста съ ними.

- Видимъ мы въ тебѣ, Станиславъ, силу великую, что въ ненависть ко грекамъ вылилась.
- Нѣтъ того! Ибо не грековъ я нетерплю — онѣ какъ те же славянѣ. Не понраву мнѣ ихъ вѣра, что онѣ намъ насадили и теперь не даютъ проходу отъ нея.
- Чемъ же вѣра сія тебѣ не понраву?
- Знаю я, что на Руси своя вѣра была и свое пониманіе Промыла Божіяго, да вотъ насадилъ намъ нѣкогда вѣру сію князь Владимиръ и съ техъ перестали мы русскими быть, но и не греками.
- Истину говоришь, Станиславъ, но скажи намъ, отчего ты иную точку зренія держишь? Вѣдь во градъ твоёмъ всѣ суть православныя люди ходять. Стало быть и съ рождешя ты тоже крещень.
- Право такъ, но знаю я то, оттого, что бабка моя язычницею была и Даждѣбогу культа служила. Успела она мнѣ многое повѣдать. Знаю я, что храмы нынешнія на древнихъ капищахъ стоятъ и вѣру Русскую оскорбляютъ собою.
- Что же есть для тебя вѣра Русская?
- Вѣра на всехъ одна, ибо Богъ одинъ!

- Не такъ ты молодецъ говоришь, ибо Богъ есть одинъ надъ всеми другими, но межъ человѣкомъ и Богомъ инья силы есть.
- Не спорю о томъ! — заявилъ Станиславъ, ибо это здравому смыслу не противорѣчить. — Зато церковники говорятъ, что Богъ онъ только тотъ, что на иконѣ, а инья боги — народовъ иныхъ — суть язычество.
- Въ смысле? — спросилъ староста.
- Богъ — онъ одинъ надъ всеми и со всеми народами говоритъ на языкѣ интуиціи ихъ — гласа внутренняго. И каждый человѣкъ его слышитъ и въ мѣру пониманія о Богѣ знаетъ. Церковники же те гласъ интуиціи отвергають, а вместо него сами о Богѣ информацію дають — и кто не согласенъ — суть проклять.
- Скажи мнѣ, Станиславъ, ты жрецъ Дажьбожій?
- Нѣтъ, - разтерянно молодецъ отвечалъ.
- То-то и оно. Не смей судить о Богѣ, ежели не говоришь съ нимъ. Ты въ нашу деревню пришелъ, чтобъ гласъ Бога истинный услышать? Такъ надлежитъ тебѣ со жрецами разговоръ вести и научать онѣ тебя истинѣ.
- Нѣтъ, староста, пришелъ я въ деревню вашу, чтобъ посмотреть, какъ живете вы и въ чемъ отличія ученія церковнаго отъ языческаго. И не вижу суть разницу, ибо подъ ликомъ Бога греческаго церковники волю свою диктують, такъ и ваши жрецы подъ маской Дажьбога свою волю вамъ говорятъ и живутъ на васъ паразитами.

Изменились въ лицѣ дружинники, а староста совсемъ побелелъ и бормотать сталъ, да пальцемъ трясти, на Станислава глядя.

- Ты!.. Ты! Шпионъ! Соглядатый греческій! Къ жрецамъ его! На алтарь! Дажьбогу на жертвенникъ.

Понялъ тогда Станиславъ ,что дѣло плохо, ибо онъ информацію огласилъ, что ниже пониманія старосты была, а посему понялъ онъ ея неверно.

- Подожди, мудрый староста, объясню я тебѣ! Не то я сказать хотель.
- Хватить! Молчать! Я правитель деревни сей! Я за людъ мѣстными въ ответъ! Ты опасенъ для насъ. Вѣками въ нашей деревнѣ устои русскія были! Не смей насъ упрекать! Соглядатый!
- Вѣка прошли, староста, жизнь меняется! Нужно дальше познание развивать и Бога шире понимать. Копить знаніе, а не прятать его и держать народъ во тьмѣ!
- Ты!.. ТЫ!!!
- Нѣтъ умысла у дерени вашей! Вытесняютъ изъ насъ, славянъ, греки духъ русскій! Подъ властію мы у нихъ. А ваша деревня сама скоро исчезнетъ, ибо окружають васъ града русскія, въ которыхъ греки торжествуютъ.
- ...!!! — хрипелъ староста.
- Скажи мнѣ, староста, что для тебя духъ русскій?
- Традиція наша! Дажьбогъ! Жрецы! Вотъ духъ Русскій.

- Но вѣдь поколенія мѣняются, люди живутъ, а умнѣе не становятся! И почему? Потому что традиція мешаетъ.
- Одумайся, молодецъ! Ты же самъ Русскій духъ подрываешь! — призвалъ дружинникъ.
- Русскій духъ — это мѣра пониманія русскаго человѣка въ мірѣ симъ. Его значимость, его первенство!
- Много крови ты изъ насъ выпилъ, Станиславъ! — наконецъ взялъ себя въ руки староста. — И обвинилъ ты насъ неправо. Ибо мы на благо русское живемъ. Недавече, чемъ во прошломъ месяцѣ мы три церкви греческія спалили.
- И что? Построятъ ихъ снова и молебень отслужать, а васъ разбойниками оклеймятъ! Информацией надо! Поднимитесь выше всего этого и поймитъ, что не нужно Творцу имя придумывать и насилія никакого вершить! Не угодно ему это! Учитесь сами Бога понимать и въ жизни своей самимъ разбираться, а не бежать за совѣтомъ къ тому, кто, якобы, къ богу ближе!
- Хватить! Завтра же къ жрецамъ отправлю! Въ амбаръ его! Живо!
- Отчего не сегодня, староста? — Станиславъ спрашивалъ?
- Въ избѣ онѣ своей нынче культъ служатъ и нельзя къ нимъ входить, ибо сразу мертвымъ станешь, ибо заберетъ Дажьбогъ душу его.
- Что за бред? Жрецы твои въ хмельномъ духѣ нынче лежатъ и лыко не вяжутъ. И пока ты тутъ о русскомъ духѣ говоришь, да о селянахъ думаешь, дурачатъ онѣ тебя и сами давно тобою и деревнею твоею правятъ.
- Силь нѣтъ у меня боле! Въ амбаръ его! Только не въ тотъ, а въ крепкій, гдѣ уже одинъ соглядатый сидитъ.
- Пустите! — хотелъ Станиславъ вырваться, но было сіе тщетно.

Въ амбарѣ.

Схватили дружинники Станислава и въ амбарѣ подъ замокъ упрятали. Едва дверь закрылась, какъ прошелъ вовнутрь Станиславъ и увидель, что этотъ амбаръ куда прочней чемъ тотъ, въ которомъ онъ прошлую ночь провелъ, и сбежать изъ него не такъ ужъ просто будетъ, къ тому же, стража вокруг гуляетъ. Былъ тотъ амбаръ высокій, бревенчатый, а на окнахъ, что выше роста человѣческаго кованья решетки вбиты. Походилъ амбаръ сей боле на темницу, ибо простору въ немъ меньше было, да и соломы съ сѣномъ лишь на постель хватить.

Лежалъ на соломѣ той иной молодець, что Станиславу ровесникъ казался. Окликнулъ его Станиславъ, и поднялся тотъ и, заметивъ, что не угрожаетъ пришелецъ ему, разговоръ зачалъ.

- А ты здесь откуда?
- Зовусь я Станиславъ. Жилъ прежде во градѣ недалекомъ, что в недель пути отсюда къ югу будетъ.
- Знаю я городъ твой, - молвилъ тотъ. — А зовусь я Капитонъ. Шли мы съ караваномъ торговымъ во градъ вашъ изъ града севернаго, но не подалеку отсюда напали на насъ разбойники. Въ мигъ онѣ всехъ нашихъ побили. Едва я сбежалъ. Во всю прыть по лѣсу несся, пока не отстали онѣ.
- А дальше какъ? — спросилъ Станиславъ
- Вышелъ я на поляну и увидели меня дружинники и схватили сразу. Староста здешній сказалъ, что есмь я шпионъ греческій, а посему надлежитъ мнѣ въ амбарѣ сидеть
- И давно ты тутъ?
- Съ декаду уже будетъ.
- А бежать не пробовалъ?
- Да разве сбежишь ты тутъ?

Сталъ тогда Станиславъ осматриваться вокругъ и размышлять.

- Ну, а ты какъ попалъ сюда? — спросилъ Капитонъ.
- По-началу, изъ дому я ушелъ, чтобъ не быть боле въ опалѣ греческой, ибо всѣ жители града моего грекамъ служатъ.
- Какъ это грекамъ?
- А такъ, что вѣру чуждую имъ навязали, а онѣ не ропщутъ.
- Ну, такъ это ты, кощунникъ правильно къ «своимъ» попалъ, только что въ амбарѣ-то делаешь? — холодно Капитонъ спросилъ.
- Не мои это люди, но наши — русскія, только въ другую крайность ударилися онѣ. А по сути, ничемъ не рознятся.

- Я самъ славянинъ крещеный и во правой вѣрѣ хожу и нѣтъ мнѣ до тебя дѣла, язычникъ.
- Говорю тебѣ, не язычникъ я!
- Но и не моей ты вѣры! Кто ты?
- Я человекъ, отъ рода, Богомъ сотвореннаго.
- Темнишь ты что-то.
- Отнюдь! Вѣрую я въ Бога единого, который міръ сотворилъ.
- Ну, да, Богъ, какъ ты говоришь, греческій-то и сотворилъ міръ сей.
- Греческій онъ для техъ, кто грекомъ отъ роду былъ, а посему мѣру понятія народную въ себѣ выносилъ. Такъ же и для славянъ древнихъ, что Бога прозвали Дажьбогомъ солнечнымъ.
- У славянъ Древнихъ много боговъ было.
- Правильно, Капитонъ, было, но народъ умнѣе сталъ, вѣка прошли и поняли люди, что Единъ Богъ-Творецъ ибо вдвоемъ міра такого не сделаешь, а коли сделаешь, то управляютъ имъ одинъ долженъ, ибо вѣдь не могутъ два капитана одной ладьей править, равно какъ два воеводы дружину вести — такъ онъ и ладью утопятъ, да войско разделятъ и погибнуть оба отъ враговъ.
- Ну, да, у язычниковъ Дажьбогъ главный и что?
- А то, что народы разныя Бога по-разному называютъ, а потому не могутъ понять другъ друга и навязываютъ одинъ другому свою религію. Такъ онъ и сами силы зря тратятъ и другимъ не даютъ въ Правѣдности разобраться.
- А ты, значить, разобрался?
- Разобрался!
- Ну, и?
- Что, «и»? Говорю тебѣ, разныя народы Бога по-разному понимаютъ. Мы же съ тобою одного народа, но тоже по-разному Бога понимаемъ. Какъ такъ?
- Это отъ того, что ты кощунникъ, а я правой вѣры.
- Но въ Бога-то ты веришь?
- Искушаешь меня?
- Зачемъ мнѣ? Я тебѣ что, свое понятіе навязываю? Я тебѣ факты говорю, а ты попробуй поспорь, если вѣра твоя такъ крепка и безупречна.
- Проспоришь ты мнѣ, Станиславъ, ибо Правая вѣра моя отъ того и правая будетъ, что правильно все делается въ ней. - Вотъ, напримѣръ, не крестишься ты, а я двумя перстами кресный ходъ совершаю.⁶ Я въ церковь хожу, а ты на улицѣ или въ лѣсу молебень служишь.
- Не служу я молебень, ибо понимаю, что для того, чтобъ Бога услышать не надо церковника спрашивать, ибо говорятъ Богъ съ тобою постоянно, и, ежели, не слышишь его, сердится онъ на тебя за то.

⁶ Описываемыя событія относятся къ періоду, длившемуся до Никоновской реформы церкви.

- Въ Библии всѣ молебень служить, стало быть и мы должны.
- Въ книгѣ той греческой много чего написано, но не всему вѣрь, а попробуй умомъ понять, что изписано.
- Во грѣхѣ ты живешь, и грѣшныя слова говоришь, нѣтъ мнѣ силъ сдержатъ тебя.
- И не надо держатъ. Ты попробуй самъ понять, что говорю я.
- Ладно, скажи-ка мнѣ, чему вѣритъ нельзя изъ того, что въ Библии?
- А хотя бы заповѣди одной.
- Что?! Которой?!
- А вотъ она: «Возлюби ближняго, какъ самого себя».
- Какъ же не верить этому? Что ты говоришь? Вотъ меня въ амбарѣ посадили, но нѣтъ у меня зла къ людямъ темъ, ибо онѣ скрытно живутъ и не любятъ чужаковъ. Но ежели я ихъ любить буду, то онѣ полюбятъ меня.
- Да, да такъ полюбятъ, что завтра на разсвѣтѣ въ жертву принесутъ своему Дажьбогу.
- Не можетъ быть такого! Богъ меня не оставитъ.
- Али не умысль Божій насъ вмѣстѣ свель? — съ улыбкой Станиславъ спрашивалъ.
- Скажи мнѣ лучше, почему ты заповѣдь сію отрицаешь?
- А потому что Исусъ — персонажъ библейскій сіе говорилъ, а самъ не противился, когда его на крестъ вели.
- Ну, такъ онъ за людей умереть хотель, чтобъ простились имъ грехи.
- Но вѣдь говорилъ же онъ — Возлюби ближняго, какъ **самого себя**. Ежели онъ себя не любилъ, то о какихъ ближнихъ онъ думать могъ? Ибо не былъ онъ изъ техъ, кто в своихъ словахъ сомневался и точку зренія менялъ!
- Такъ что же это получается?
- А то, что либо заповѣдь неверная и, стало быть не говорилъ онъ ея, либо на крестъ его никто не убивалъ. А значить, и не воскресалъ онъ вовсе, потому что и не умиралъ?
- Но церковники не такъ говорятъ! — возразилъ Капитонъ.
- Конечно, ихъ никто думать не училъ, а учили ихъ книгу повторять. И такъ во вѣки вѣковъ.
- Аминь, - дополнилъ Капитонъ.
- Вотъ такъ и живетъ церковь греческая, а равно и все религіи, что надъ людьми давлеютъ. И думу иную грѣхомъ объявляютъ, ибо написано такъ.
- Такъ что же дѣлать?
- Жизнь свою спасатъ и людей учить думать.
- Но вѣдь ты же сказалъ, меня завтра на алтарь положить. Откуда знаешь это?

- Оттуда, что я о томъ же, что съ тобою со старостой здешнимъ говорилъ и не принялъ онъ истины, и опровергнуть не сумелъ и даже думать не сталъ. Велелъ онъ меня къ тебѣ бросить. А завтра, говорит, жрецы когда культъ свой сегодняшній дослужать, принесутъ меня въ жертву.
- Ну, такъ это тебя...
- Но если мы вместе сидимъ, то уже понятно, что обоихъ насъ алтарный камень ждетъ. Ибо съ какой стати онъ тебя будутъ здесь до старости кормить? А тутъ поводъ хорошій.
- Н-да, православнаго славянина и антихриста на одномъ языческомъ камнѣ положить. Такого въ баснѣ нарочно не придумаешь.
- Давай лучше придумаемъ, какъ намъ изъ плена выйти.
- Не по душе мнѣ противиться воле иной, - попытался неуверенно Капитонъ заявить.
- Такъ выполняй заповѣдь. Полюби себя и тогда другихъ полюбишь.
- Но есть же иной законъ — подставляй щеку вторую, ежели по первой ударилъ кто.
- Правильно, а если отымаютъ одежду верхнюю, такъ и рубашку отдай. А самъ иди въ рабство и до конца жизни молись и проси о прощениі у Бога греческаго. Особенно, если совесть твоя чиста, а самъ ты безгрѣшенъ, ибо не свершилъ неправѣднаго.
- Голова у меня болитъ отъ словъ твоихъ.
- Это потому что ты не самъ думаешь, а чужими словами отвечать пытаешься. Поверь же во первую очередь своему гласу внутреннему и пусть онъ скажетъ тебѣ что надо дѣлать — добровольно на алтарь лечь, или спастись самому, чтобъ жизнь свою посвятить спасенію иныхъ отъ недоумія?
- Ну, что каковъ планъ твой, Станиславъ?
- Единить наши усилія. Сами по себѣ будучи, мы смерти не избежимъ.

Жрецы

Когда же снова солнце взошло и новый день начался, явились къ амбару пятеро дружинниковъ и велели обоимъ пленникамъ с ними идти. Вълели, да пригрозили, что ежели кто дернется бежать — въ мигъ настигнуть, да копьемъ въ бокъ ударятъ. Бѣги тогда. Повиновались имъ пленники и пошли къ капищу на окраинѣ. Встречали ихъ тамъ трое жрецовъ, которыхъ Станиславъ позавчера за пиѣемъ засталъ. Все въ техъ же одеждахъ и въ томъ же видѣ, только лица трезвья.

- Готовъ ли ты молодецъ, что Капитонъ, пойти въ жертву Дажьбогу? — ритуально спросилъ жрецъ, подводя ихъ къ камню у шеста въ центрѣ капища. - Отвечай!
- Нѣтъ.
- А ты, Станиславъ, готовъ принести себя въ жертву ради очищенія тебя отъ сквернословія?
- Нѣтъ, конечно.
- Тогда напередъ надлежитъ пройти вамъ обрядъ разкращенія. Будете вы ответгнуты прежней вѣрой и посвятите себя Дажьбогу.
- И мы будемъ живы? — недоверчиво спросилъ Капитонъ.
- Вы будете жить въ русскомъ духѣ! — величественно сказалъ жрецъ. — Мы принесемъ васъ въ жертву и сождемъ ваши тела, какъ подобаетъ въ славянской традиціи, но духъ вашъ да прибудетъ въ солнечномъ царствѣ.
- Можетъ хватить ерунды сей? — недоволено Станиславъ спрашивалъ.
- Что? Ты прерываешь обрядъ? Покараетъ тебя Дажьбогъ!
- Хватить людей дурачить! Богъ не для того человекъ создалъ, чтобъ онъ себя въ жертву приносилъ. Зачемъ ему это? Подумай!
- Никакое сквернословіе не можетъ нарушить волю Божью, ибо въ началѣ было слово!
- По-моему, это уже изъ другой книги, - подсказалъ Станиславъ.

Жрецъ смутился немного, но церемонію продолжилъ.

- Смотри, Дажьбогъ, тебѣ я приношу сихъ двухъ молодецъ скверныхъ. Примешь ли ты ихъ духъ?

Съ этими словами жрецъ возделъ руки къ небу и сталъ вглядываться въ разсветное солнцѣ. Простоявъ такъ немного, онъ взялъ въ руки длинный мечъ, висевшій на его поясѣ, и, повернувшись къ Станиславу съ Капитономъ съ неподдѣльной радостью заявилъ:

- Онъ принимаетъ васъ.
- А это точно Дажьбогъ сказалъ? — уточнилъ Станиславъ.

- По мнѣ, такъ церковники и то краше церемоніи проводятъ, - признался Капитонъ.
- Церемонію нашу никто видѣть не смеетъ! — осторожно сказалъ жрецъ, ибо Дажьбогъ къ намъ въ избу приходитъ и говоритъ намъ что дѣлать.
- Видѣлъ я вашу церемонію позавчера вечеромъ. Хмельнымъ духомъ веселья вы тамъ втроемъ шумели, но Дажьбога я съ вами не видѣлъ. А церемонія ваша — обычный сонъ на туманную голову — чтобъ хмель развеялся.
- Что ты сказалъ? — гневно крикнулъ жрецъ и накинулся съ мечомъ на Станислава.

Молодецъ же легко отъ удара уклонился, вокругъ шеста въ центрѣ капища прячась.

- Смотрѣлъ я въ ваше окно и не забралъ мою душу Дажьбогъ и живъ я, какъ видишь.
- Что стоите? — крикнулъ жрецъ дружинникамъ, ловите его!

Но онѣ не шелохнулись. Лишь на Станислава съ изумленіемъ глядели.

- Лжетъ онъ! Собачій калъ! Какъ смеешь ты такое мнѣ говорить? Мнѣ, который всю жизнь Дажьбогу служилъ!?
- Служилъ ты не Богу, но себе, а остальные тебѣ прислуживали!

Вдругъ, двое жрецовъ иныхъ резко къ Станиславу подскочили и схватили его подъ руки, а жрецъ, что съ мечомъ былъ, въ одинъ мигъ подле Станислава всталъ и для удара замахнулся. Въ тотъ мигъ понялъ Станиславъ, что конченъ вѣкъ его на томъ. Жизни своей не такъ жаль ему сделалось — обиднѣе куда, что семь летъ его волхвъ училъ, а въ итогъ теперь онъ отъ рукъ какого-то жреца погибнетъ, такъ и не успевъ доверіе волхва оправдать.

Едва подумалъ о томъ, какъ избежалъ смерти Станиславъ, Капитонъ свой выборъ сделалъ и на рукѣ у жреца повисъ, назадъ ея оттянувъ. Дернулся жрецъ тогда, хотѣлъ высвободиться, но не далъ ему Капитонъ и мечъ тотъ отнял и въ свои руки взялъ его.

Время не тратя зря Станиславъ кулаки сжалъ, да такъ рванулся, такъ толкнулся, такъ напрягся, что разомъ обоихъ жрецовъ въ стороны разкидалъ, что упали онѣ.

А дружинники в то время такъ и не шелохнулись. Невдомекъ имъ было, какъ Станиславъ въ окно къ жрецамъ посмотрѣлъ, а самъ живъ остался, къ тому же, разтерялись онѣ при видѣ силы духа такой, что не побоялись молодцы самого Солнечнаго Бога и вызовъ ему бросили.

- За ними! — крикнулъ одинъ из жрецовъ поваленныхъ, когда молодцы уже черезъ заборъ перескакивали, ибо капище было прямо на краю деревни у частаго кола прямо у лѣса.

Лишь тогда, приказъ такой услышавъ, дрогнули дружинники и за молодцами рванулись, но у забора замешкались, и пока лезли, упустили ихъ и не могли догнать.

Возпротивляхуся⁷

Долго ли коротко ли бежали молодцы, но отъ деревни той далеко убежали. Остановись онъ тогда въ лѣсу, и стали думать, какъ имъ дальше быть.

- Ну, что Капитонъ, куда пойдешь, когда свободенъ? Домой?
- Нѣтъ у меня дома, и семьи, ибо воспитанъ я былъ торговцами изъ каравана, что промежъ городовъ ходилъ и товарами менялся. Такъ и жили мы, пока торговцевъ всехъ разбойники не побили. Некуда мнѣ идти.
- Можетъ, и есть куда. Гласъ мой внутренній призываетъ показать тебѣ деревню потаенную, въ которой я семь лѣтъ жилъ и наукамъ обучался.
- Такъ ты же изъ града пришелъ?
- Во градъ я родился, но не по нраву мнѣ онъ былъ и ушелъ я въ лѣсъ. И былъ одинъ. И набрелъ я на волхва...

Слово за слово и повѣдалъ Станиславъ полную исторію свою.

- Такъ значить, вотъ откуда смелость твоя!
- Смелость моя отъ Русскаго духа, ибо я славянинъ, какъ и ты. Стало быть, духъ въ тебѣ таковъ же, какъ мой.
- А ежели я бъ не славянинъ былъ, а угръ?
- Я говорю не о языкѣ, какъ народъ, а о Духъ Русскомъ, что ежели я русскій, то смелость моя отъ русскаго Духа, и ничто не мешаетъ тебѣ смелымъ быть.
- А если бъ угръ я былъ бы?
- Угры свой духъ имеютъ, но ежели рожденъ человекъ уграми, но въ Духъ Русскомъ воспитанъ, то быть ему Русскаго Духа угромъ. Равно, какъ и другъ мой стародавній Анастасъ, что грекомъ рожденъ былъ, но Русскаго Духа сделался.
- Эхъ, пойдѣмъ въ деревню твою. Все-равно ты меня отъ смерти спасъ, не пропасть мнѣ съ тобою.
- Да и ты тоже жизнь мою въ моментъ лихой выручилъ. Сила наша въ единеніи, но не въ одиночествѣ.

Отправились тогда молодцы въ деревню, гдѣ волхвъ жилъ. Шли онъ два дня, ибо торопились. И поняли, что давно имъ пора на мѣстѣ быть, но нѣтъ деревни. Вспомнилъ тогда Станиславъ, какъ искать деревню надо и ждалъ ночи. Влезли онъ съ Капитономъ на древо густое, обвязали себя частями одежды длинной и ко сну отошли. Явился въ ту ночь Станиславу волхвъ и спрашивалъ.

⁷ На старо-слав. манер «Сопротивлялись»

- Какъ приняли тебя, Станиславъ, язычники, и что за молодецъ съ тобою?
- Противились онъ слову моему искреннему и не веровали въ рѣчь мою. Схватили меня, да въ амбарѣ держали. Помню, просилъ ты меня, волхвъ, въ обрядахъ языческихъ участіе раздѣлить, но гласъ мой внутренній возпротивился совѣту твоему и не позволилъ себя я въ жертву принести богу языческому. А молодецъ сей — Капитонъ, котораго я отъ алтаря жертвеннаго спасъ и нѣгдѣ ему приютъ сыскать.
- Увѣренъ ли ты, Станиславъ, что можно сему молодцу довѣріе оказывать и способенъ ли онъ къ наукѣ, что я преподалъ тебѣ?
- Возможно... но поговори съ нимъ самъ ты, и поймешь все.
- Отчего мнѣ говорить съ нимъ, ежели ты привелъ его? Входите въ деревню, рады вамъ будемъ.
- И войдемъ. Нѣтъ у меня причинъ оставлять его. Мы съ нимъ одну судьбу на двоихъ только что имели, да жизнь свою спасли единившись.

И въ мигъ, сонъ пропалъ у Станислава, и очнулся онъ на древѣ привязанный. И были крики снизу.

- Вонъ онъ, вижу ихъ.
- На древѣ смотри.
- Достать надобно.
- Дружина! — возкликнулъ Капитонъ ото сна отходя и мечъ свой хватая, у жреца давече отобранный.
- Обожди, Капионъ, - просилъ Станиславъ. — Знаю я ихъ. Онъ изъ деревни, куда идемъ мы.
- Изъ какой деревни? — вяло Капитонъ спрашивалъ.
- Гдѣ волхвъ живетъ.
- Так ты же не говорилъ, что тамъ дружина есть.
- А ты думалъ, волхвъ одинъ въ деревнѣ живетъ?

Смутился на то Капитонъ и страхи свои о томъ рассеялъ. Спустились тогда молодцы съ древа, и приветили ихъ дружинники и въ деревню отвели. Дали имъ ночлегъ въ избѣ и хлѣба съ молокомъ.

Князь.

Жизнь человеческая куда длиннѣй, нежели сказъ о ней. Все, чѣмъ живетъ кто-то въ одной былинѣ вмѣщается. Такъ оно и въ нашемъ сказѣ есть.

Много времени Станиславъ съ Капитономъ въ деревнѣ потаенной провели, многое познали, многому научились. Гдѣ могли людямъ помочь — везде поддержку оказывали. Помогли онѣ и деревне языческой, что изначально ихъ нерадушно приняла.

Случилось тамъ однажды, что осенью напали на деревню ту полчища разбойниковъ и людъ мужской изрядно изтребили, а женскій насильно увели. И опечалились жители и стали на жрецовъ роптать, что не знали напередъ, что ихъ Дажьбогъ накажетъ, ибо не было двора, котораго бы горе не коснулось.

Прослышалъ о томъ и Станиславъ. И решили онѣ съ Капитономъ подсобить деревнѣ сей и заразы людямъ въ Вѣрѣ русской разобратъся. Пришли тогда молодцы съ дружиною небольшой и встали у кола частаго, предъ воротами. Приготовилась деревня снова къ оборонѣ, но дивились люди мѣстные, ибо не спешили пришельцы въ атаку пойти, а къ себе пословъ затребовали. Пошли тогда разговоръ вести жрецы Дажьбожьи въ составѣ трехъ человекъ, коихъ Станиславъ никогда не виделъ. Сошлись онѣ со Станиславомъ и вопрошали его.

- Кто ты молодецъ и отъ чего дружину на насъ привель.
- Не на васъ я дружину привель, старчѣ, но для васъ, ибо намеренъ я в вашей деревнѣ княземъ стать и темъ самымъ защити вамъ оказать.
- Зачемъ намъ князь выборный, какъ во времена стародавниа — докрещенскія? Есть у насъ Князь всія Руси. Хоть ему и не служимъ, но своимъ считаемъ.
- Такъ вѣдь далекъ тотъ князь и нѣтъ ему дѣла до деревни вашей, ибо ему о Руси думать следуетъ — не разбойниковъ лесныхъ ему гонять надобно, а монголовъ съ татарами.
- Какъ прозналъ ты, что на деревню нашу разбойники напали? Ужъ не ты ли самъ во главѣ ихъ былъ?
- Ну нѣтъ, настигли мы несколько дней назадъ въ лѣсу шайку ихнюю, да побили всехъ, а иныхъ, кто слабъ былъ, говорить заставили, да повѣдали онѣ намъ о дѣлахъ своихъ и молвили, яко не оставятъ въ покое васъ сородичи ихъ, пока не изведутъ людъ вашъ, да закрома не подчистятъ.
- А ты самъ-то кемъ будешь?
- Славянинъ я! Станиславъ! Русскаго духа воспитаникъ есмь. Зарекся я русскій духъ защититъ и навелъ мя Богъ на деревню вашу.
- Складно говоришь, Станиславъ. Да и на горожанина не похожъ ты, а посему вѣры ты не касаешься пришлой.

- Истину речешь, старчѣ, отъ детства своего я грековъ пришлыхъ нежалую, да съ церковниками ихъ нелажу.
- Но чтобъ деревнею нашей править, долженъ ты Даждьбога признать. Признаешь?
- Очего нѣтъ? Пращуры мои славянами были и молились онѣ Даждьбогу, такъ, стало быть и мнѣ надлежитъ славяниномъ быть и не нуженъ мнѣ богъ Іудейскій, равно, какъ и греческій.
- Ладно, а чего для себя ты, Станиславъ, хочешь отъ деревни нашей?
- Такъ вѣдь изба мнѣ нужна, да казармы дружине. Сколько уж нам в лѣсу-то ночевать?
- Это понятно, а для себя что?
- Если бъ мнѣ золото нужно было, я бъ далѣе разбойниковъ отслеживалъ. Нуженъ мнѣ приютъ, а взаменъ я и за порядкомъ послезу, и хозяйствомъ займусь. Но, ежели, не по душѣ я буду, то, стало быть, уйдемъ мы съ дружиною.
- Нѣтъ у насъ воеводы хорошего, - съ сожалениемъ посланникъ ропталъ.
- Ну, такъ я сгожусь! — уверенно Станиславъ говорилъ.
- Тогда тебѣ съ нами въ деревню зайти надо, ведь не боишься же ты техъ, кемъ править собрался. Зайдешь съ нами, оружье оставишь. На капище Даждьбожьемъ народу клятву дашь, какъ князю положено.

Зналъ Станиславъ, что цѣль будетъ и народъ его не тронетъ, ибо знали селяне, что не миновать имъ разправы, ежели съ нимъ чего дурного сдѣлаютъ. Однако решилъ онъ сразу предъ жрецами свою волю показать.

- Не быть мне княземъ, если безъ оружья въ деревню войду и безъ дружины. Какъ я селянамъ клятву княжескую давать буду, когда впостась моя княжеская за вратами останется?
- Ладно, будь ты при оружьи, но не съ дружиною, ибо мѣсто ей за вратами. Самъ же возьми троихъ людей своихъ и идемъ на капище.

И отворились тогда ворота, и впустила деревня въ себя жрецовъ напередъ, а следомъ Станислава и гриди⁸ его. Разступились селяне, съ оружьемъ въ рукахъ, готовыя со всехъ сторонъ въ мигъ пришельцевъ поразить. И такъ вели ихъ всехъ до самого капища.

Вспомнилъ Станиславъ годы недалекія, къ камню у шеста въ центрѣ подходя, какъ во времена прежнія чуть было жизнь свою не отдалъ на этомъ самомъ камнѣ, а теперь на правахъ князя съ народомъ знакомиться будетъ и рады ему селяне.

- Отвечай намъ, Станиславъ, будешь деревню нашу хранить? - вопрошаль жрецъ, у капища стоя.
- Воистину буду, - отвечаль Станиславъ.

⁸ гриди – группа воиновъ въ дружинѣ наиболѣе приближенной къ князю.

- Будеть ли, Станиславъ, дружина твоя деревню нашу хранить? — второй жрецъ спрашивалъ
- Воистину будетъ!
- Будешь ты сам, да дружина твоя Дажьбогу служить?
- Будемъ мы Бога помнить да сами не плошать.
- А будешь волю жреца гласом Дажьбога принимать? — съ недовольствомъ легкимъ жрецъ спрашивалъ.
- Нѣтъ, - уверенно Станиславъ отвечалъ.
- Тогда не быть тебѣ княземъ во деревнѣ нашей.
- Народъ! - призывалъ людей Станиславъ, на жрецовъ не взирая. — Сколько набеговъ чужескихъ вы терпеть будете? Неужто людей у васъ не убавляектся?
- Долой! — изъ толпы крикнулъ кто-то.
- ...нать въ шею его! — подхватилъ второй.
- Такъ отчего Вамъ дружину мою не нанять въ дозоръ, да меня княземъ не сделать? Разбегутся бандиты изъ схроновъ своихъ и не будетъ здесь, ежели мы караулить будемъ!
- Дѣло! — крикнулъ кто-то.
- Молчи, лешій окаянный! Погубить онъ насъ, - тому было сіе сказано, кто «Дѣло» кликнулъ.
- Отчего не взять?
- Дажьбогъ не приметъ его въ деревню нашу! - попытку слабую вѣрнуть толпу содеялъ жрецъ.
- Отчего ж не приметъ? — крикнула женщина простая изъ люда многочисленнаго. — Ужъ больно ты вояка хорошъ! Проку отъ тебя нѣтъ.
- Что говоришь ты? На алтарь положу! — гневно жрецъ вспылить.
- Вотъ этого ли жреца я слушать долженъ? — у народа Станиславъ спрашивалъ? — Али не онъ своей прихоти деревней править? Самъ решаетъ у кого что взять, что да сколько на алтарь, а теперъ грозитъ живого человека неугоднаго ему на алтарь укласть. Нѣтъ, не быть тому, чтобъ я слушалъ наказы его.
- Убирайся, Станиславъ, - растерянно жрецъ просиль.
- Ты жрецъ! Мѣсто твое у капища, а я — князь — мѣсто мое в деревнѣ, гдѣ потреба есть на меня.
- Да будешь ты кяземъ у насъ, - уверенно произнесъ дружинникъ статный.

И съ мига того, весь людъ Станислава княземъ призналъ. И было ему дано избу старосты прежнего занять съ тремя гридями своими. Остальныя же дружинники, что за вратами остались, въ числе дюжины ровной, тамъ себе и ночлегъ устроили. Ибо гдѣ сіе видано, чтобъ людъ селянамъ незнакомый по деревнѣ ходилъ, да мечами блестель.

Иго.

Ладно съ техъ поръ жизнь в деревнѣ той пошла. Никто не нападалъ, никого въ пленъ селянѣ не брали, разбоя больше не вершили, а заодно и наукѣ правѣдной Станиславъ селянѣ обучалъ. Не спешилъ онъ жрецовъ отстранять отъ деревни, ибо были то люди мудрыя, съ опытомъ великимъ. Пришло имъ время, князь полагалъ, и нравамъ добрымъ послужить, людей въ вѣрѣ ихъ просвещать. И алтарь Дажьбожій сохранилъ Станиславъ, и даже жертвы позволялъ на немъ приносить, хотя и безкровныя. Нельзя было у людей ихъ вѣру заразы отнимать. Следовало ихъ къ новому познанію подготовить, да почву создать къ тому, чтобъ не осерчали онѣ, да не прогнали князя. Самъ же Станиславъ, видя силу свою, на нужду въ себѣ для деревни той, изгона не страшился, да и тревогъ у него не было. Никто не нападалъ, никто не разорялъ. Да и людѣ деревенскій онъ военному дѣлу обучалъ. Былъ же въ деревнѣ той покой и процветаніе. И было такъ семь летъ.

Но случилось однажды, чего Станиславъ давно ожидалъ. Прошла по Руси вѣсть, яко рать поднимается на борьбу съ ордою. Известно было, что всѣмъ градамъ, Московскую власть признавшимъ надобно рать выслать, да акромя того и добровольцевъ всехъ Великій Князь Владимирскій и Московскій Дмитрій въ Коломну кликалъ, чтобъ соборъ провѣсти и затемъ на полѣ выступить. Нужно то было, чтобъ Мамаю ордынскому урокъ преподать и отъ ига⁹ Русь избавить.

Вышелъ тогда Станиславъ къ селянамъ своимъ и молвилъ:

- Къзязь Московскій зоветъ насъ на бой съ Мамаемъ. Должны и участіе въ томъ разделить. Ибо Русь еще слаба и межъусобна. Кому, какъ не намъ, славянамъ, духомъ крепкимъ бой принимать.
- Отчего намъ съ Мамаемъ биться? Мы — народъ северный - къ намъ онъ отродясь не дойдетъ. Пуцай московитяне да борются! — одинъ изъ жрецовъ отвечалъ.
- Не можемъ мы славянъ въ бѣдѣ бросить. Погибнуть безъ насъ могутъ! А то съ деревни каждой по горстке людей — уже рать великая.
- А слышалъ я, что Рать ту, что соберется, крестить стануть. Не станемъ мы туда ходить! - спорилъ одинъ изъ селянъ.
- Да пусть! Что съ того, аль убавится у тебя что, ежели водой въ твою сторону брызнуть, да молитвь чудную скажутъ?

Встречена та фраза весельемъ была.

- Отчего намъ, славянамъ греческихъ церковниковъ бояться?

⁹ Читателя, внимательно за ходомъ повѣствованія следившего, смиренно прошу обратить на слово это вниманіе особенное.

- Не отъ чего, - народъ вторилъ
- А чего намъ Мамаю бояться? Съ его степниками косыми, что отъ всего щурятся?
- Не боимся мы его! — твердо народъ отвечалъ, во нравъ пребывая добромъ.
- Такъ отчего намъ страху не нагнать на всехъ? Покажемъ Мамаю, да предъ московитянами похвалимся. Пусть видятъ, какъ русскаго духа славяне въ бой идутъ! Какъ земля насъ сама несетъ и врага прочь гонитъ!
- Зададимъ Мамаю! — послышались одобрительные крики. — Утремъ носъ Дмитрію Московскому!
- Вдобавокъ троѳеевъ соберемъ — латы да мечи монгольскія, да коней самыхъ лучшихъ наберемъ! Отчего не сходить? — князь спокойно настаивалъ.
- А ежели погибнемъ все, кому добро нести! — неуверенно изъ толпы одинъ мужичокъ спросилъ.
- Съ чего погибнуть намъ, славянамъ на земле славянскоѣ, ежели самъ Богъ намъ путь указываетъ, да Земля насъ сама несетъ?
- Взаправду пойдѣмъ! Ай да князь! — загудѣла толпа.

Далѣе же сюжетъ куда стремительнѣй развивался. Собралъ Станиславъ рать великую, да разделилъ ея промежъ собою, да Капитономъ. Самъ же повелъ онъ дружинниковъ из деревни потаенной, гдѣ прежде съ волхвомъ жилъ и наукъ у него семь летъ учился. Капитонъ же возглавилъ рать языческую. Волхвъ же свою дружину благословить пришелъ предъ отъездомъ, а иную рать заочно напутствовалъ. Когда же собрались молодцы, утрясли поклажу, двинулись онъ въ путь неблизкій — пешій до Коломны двумя группами, чтобъ воины промежъ собой не встречались. И было ихъ шесть десятковъ въ общемъ числѣ.

Долго путь ихъ до Коломны длился. Однако успѣли онъ вовремя — за два дня по выступленіи. Едва размѣстились дружинники лагерями мелкими у града того, отправились Капитонъ со Станиславомъ въ ставку, стратегію познать. Поначалу сурово приняли ихъ, оказалось, что изъ Новгородской земли онъ, но та земля рать свою не выставила и князя Московскаго не поддержала. Прозналъ же вскорѣ самъ князь великій, что два князя мелкихъ дружины свои привели и благодарить ихъ лично пришелъ. И въ засадный полкъ ихъ съ дружинами определилъ.

Спросилъ онъ ихъ напоследокъ, какой вѣры будутъ дружинники ихъ. Признались тогда, что одни есть язычники, другія совсемъ религіи не признаютъ, но напрямую съ Богомъ рекутъ. Заволновался тогда Дмитрій и объявилъ, что Рать онъ собираетъ во знамена свои подъ ликомъ православнымъ, чтобъ войско его едино было. Самъ же онъ отъ бесѣдъ личныхъ уклонился. Сказавъ лишь, что его некій Сергій на битву благословилъ. На что у Станислава свой ответъ имелся. Спросилъ онъ: «Али не надлежитъ патриарху Великаго князя благословлять?»

Отчего же пошелъ ты ко старцу одинокому?» «Такъ проклялъ меня патріархъ, велелъ не роптать на промысль Божій». «Такъ вотъ какова греческая вѣра!» - вспылить Станиславъ. — Не позволю своихъ людей обращаться въ нее.

- Чтобъ победить, рать единого духа должна быть, - деликатно Дмитрій напомнилъ. — Такъ мы сначала Мамаю прогонимъ, а затемъ и съ греками разберемъ!
- Мудръ ты князь, кабы не свернулъ ты съ пути своего!
- Не сверну! Сейчасъ главное внешнею угрозу отвести, а ужъ со внутренними мы разберемъ.
- Ладно, быть по-твоему. Дружины наши мы прилюдно покрестимъ и двумя перстами осенимъ себя, какъ положено то.

Насталъ часъ, да окончилось время спокойное. Поднялась рать и вышла изъ Коломны. Направилась она ко Дону и вскоре на томъ берегу уже была. Отступать ужъ некуда было. Впереди простиралось поле Куликово. Мамай себя ждать не заставилъ. Привелъ онъ монголовъ ордынскихъ, что ни есть равныхъ по числу славянамъ, однако были те кочевники степныя, съ раннихъ лѣтъ военному дѣлу привыкшія, но рать же княжеская наполовину изъ ремесленниковъ городскихъ состояла, которыя акромъ древа, да скотины домашней, ничего вовѣкъ не резали. Но было главное у Славянъ — сила духа Русскаго, во все времена Великаго!

Началась же сеча на разсвѣтъ. Вышли два воина одинъ напротивъ другого, стали къ поединку готовиться. И были имена имъ Пересветъ и Челубей. Не знали Станиславъ съ Капитономъ Пересвета, но отъ всего духа своего успеха ему желали. И не подвелъ богатырь. Недолго битва ихъ длилась, да сразилъ Челубея копьемъ, что тотъ даже щитомъ прикрыться не успелъ. Но и Пересветъ равный ударъ получилъ, и поняли онъ, что не быть въ битве ихъ никому победителемъ, и лишь злобно въ глаза другъ другу взглянувъ, упали на траву.

И въ мигъ сей сотни стрель по обе стороны взметнулись! И понеслись черезъ поле на обе стороны. И стали падать воины съ обеихъ сторонъ. Все это Станиславъ изъ лѣса наблюдалъ, где его Князь определилъ. Зато и самого князя Станиславъ въ строю опасномъ виделъ.

Едва третья туча стрель сторонами поля поменялась, какъ хлынула лавина ордынская, конная, на пешихъ воиновъ въ передовомъ полку стоявшихъ, да смела ихъ, во все стороны разбросавъ. Видно стало, что монголы куда страшней! Но не дрогнули славянскія полки! Устояли воины! Обратились онъ все къ богу своему единому, кто какъ понималъ его, и просили помощи. И пришла подмога долгожданная. Остановились кони Мамаевскія, въ строю Большого полка увязнувъ. И лихо теснить ихъ стали славяне. Началась сеча великая. И слышны были крики и лязгъ металла на многія версты вокругъ. День ужъ за середину перешелъ, а сеча все шла. Редели воины славянскія, но и ордынцы изсякали. Но Станиславъ и весь полкъ засадный въ лѣсу сидели, не выдавая себя. Хотя, и ихъ чередъ пришелъ. Рванули воины изъ лѣса и окружили остатки войска

Мамаевского, да стали теснить ихъ съ силою лютою. Страхъ овладелъ тогда монголами, и ринулись онѣ прочь, но силы ихъ уже не те были, что у воиновъ свежихъ. Догнали ихъ дружинники и побили кого могли.

На томъ и кончилась битва Куликовская. Что с Мамаемъ стало, Станиславъ такъ и не узналъ. Акромя того, подумалъ онъ, что и Князь Московскій Дмитрій погибъ, однако позже понятно стало, что онъ свои доспехи Великокняжескія одному боярину отдалъ, именемъ Михаилъ Бренокъ, да погибъ тотъ въ сечѣ страшной. Самъ же Князь простымъ воиномъ переоделся и не менѣ остальныхъ въ битвѣ участіе разделилъ. Остался же онъ целъ да невредимъ. Такъ же съ радостью узналъ Станиславъ, что въ дружине его все воины живы остались, но вотъ у Капитона-то с десятков недосчитались.

Ликовали въ тотъ вечеръ славяне и многія дни впоследствии, потому что поняли наконецъ, что въ единеніи сила ихъ и знали уже напередъ, что боле никогда не разбредутся.

Патріархъ же Московскій, едва о победѣ прозналъ, какъ лично Дмитрія встретилъ и званіе Святого ему посулил. Смягчился тогда Князь, и решилъ пока оставить Православіе, какъ религію единую, чтобъ иные земли подъ Русскія знамена собрать.

Не судилъ его строго за то Станиславъ, потому что понималъ, что Важнѣе Русь воедино собрать, а ужъ подъ какія знамена — не такъ важно, даже хоть подъ те, отъ которыхъ и разладъ прошель.

Эпилогъ.

Капитонъ съ ратью вернулся въ деревню языческую и сталъ новымъ княземъ замѣсто Станислава. Вернулся домой и Станиславъ - въ деревню свою къ Волхву. Не забылъ онъ и въ городъ свой родной сходить и повстрѣчаться съ отцомъ. Далеко не сразу призналъ его тотъ. Да и не надеялся Станиславъ на приемъ добрый, однако уважилъ его отецъ, а когда узналъ, что Станиславъ, сынъ его, въ битвѣ Куликовой участіе принялъ, то совсемъ отъ гордости возсіялъ. Но вернулся все-таки Станиславъ въ деревню потаенную, да тамъ и остался. Жизнь правѣдную вести, род продлевать. И много счастливыхъ лѣтъ прожилъ тамъ. Главное, не забылъ онъ о наукѣ своей и позаботился о томъ, чтобъ потомкамъ своимъ ея передать, чтобъ приняли онѣ дѣло его, когда Русь снова едина будетъ. Ибо когда все земли Русскія подъ одной вѣрой соберутся, потребуетъ новый качественный переходъ къ Богодержавію.